

НИИХП стремился притти на помощь профтехническим школам и курсам. Институтом составлены: альбом-пособие по изучению народной вышивки для профтехшкол, альбом золотощвейных работ (для Торжокской профтехшколы). Составлен ряд технических руководств и пособий: «Выработка ковров из синельки», «Растительные красители Московской области и их применение» (автор Т. И. Алабина), «Руководство по изготовлению керамических изделий литьем и формовкой в формах с шаблоном», «Технология лаков, полировочных паст и папье-маше».

НИИХП содействует восстановлению старинных художественных промыслов, ныне почему-либо заброшенных. Так, Институтом намечены работы по восстановлению художественного ремесла по кости в Тобольске, Архангельске и других местах, где в прошлом имелись костерезные художественные мастерские.

Большое значение в работе НИИХП имеют конкурсы и выставки. В 1945 г. были организованы и проведены в Москве 3 выставки: 1) конкурс-выставка на лучшие художественные изделия из дерева, камня и кости, 2) выставка «Русские художественные лаки», 3) конкурс-выставка строчеч-вышивальных и кружевных изделий. Кроме того, в том же году были организованы: выставка работ ведущих художников — мастеров по дереву, кости и набойке, выставка художественных ремесленных профтехшкол, выставка художественных изделий для Лондона и Тегерана. В 1946 г. Институт (совместно с Комитетом по делам искусств при Совете министров СССР) организовал Всесоюзную выставку народного декоративного и прикладного искусства. Организованы две выставки художественных изделий — для Чехословакии (Прага) и для Финляндии (Хельсинки). Ведется большая работа по подготовке к выставкам 1947 г.: «30 лет советской власти» и «800-летие Москвы».

Прошедшие конкурсы-выставки показали, что несмотря на годы войны и связанные с ней трудности качество работы художественных артелей не снизилось. За время войны выдвинулись новые молодые кадры мастеров, художников, получивших высокую оценку на этих выставках. Показали свое мастерство и творческие искания старейшие мастера и художники системы промкооперации.

Ученый секретарь НИИХП *Е. А. Серебряков*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТАТАРСКОЙ АССР ЛЕТОМ 1946 года

В 1946 г. Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР организовал, совместно с другими научными учреждениями, две археологические и одну этнографическую экспедицию. Археологические исследования были сосредоточены на территории центра бывшего Болгарского государства — в западной части Закамья, а этнографические охватили юго-восточную часть республики.

Первая археологическая экспедиция¹ проводила раскопки на территории болгарского городища и являлась продолжением экспедиции 1945 г., организованной Институтом истории материальной культуры АН СССР совместно с Государственным историческим музеем и Государственным музеем ТАССР. Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР присоединился к названному учреждению. Общее руководство экспедицией осуществлялось проф. А. П. Смирновым. Внимание археологов в 1946 г. было сосредоточено на четырех пунктах городища: 1) центральная площадь города в районе так называемого «четырехугольника», 2) некрополь у так называемой «греческой палаты», 3) северо-западный участок линии крепостной обороны и 4) территория «малого городка» в южной части городища.

На первом участке (раскопки вел сотрудник ИЯЛИ Н. Ф. Калинин) самым ценным результатом было обнаружение остатков первого на территории городища деревянного дома XIV в. Стены дома были сложены из сосновых бревен, диаметром до 30 см. Сохранилось два неполных венца сруба, правда, без углов. Размеры дома округленно—4×5 м. У юго-восточной стены имеется пристройка, из которой был вход в дом. Сохранился пол из тесаных досок. Печь была расположена ближе к одному из углов, но на некотором расстоянии от стен. Размеры печи 90×120 см. Печь была глинобитная сводчатая, высотой до метра. Под юго-восточным углом дома обнаружен лошадиный череп, тщательно зарытый в ямку.

¹ Данные об археологических работах взяты из предварительного отчета Н. Ф. Калинина.

засыпанный чистым песком и глиной и прикрытый каменной плиткой, величавой и формой соответствующей черепу. Эта находка интересна тем, что подобный обычай отмечен среди татарского населения в недалеком прошлом.

В некрополе у «греческой палаты», где продолжались раскопки 1945 г. (вела раскопки сотрудник Госмузея ТАССР А. М. Ефимова) было вскрыто более 50 христианских погребений. Обнаружено, что некрополь принадлежал главным образом армянскому населению Булгара. Найдены куски шелковых и шерстяных тканей, золотое височное кольцо с жемчужинами и ряд других предметов.

Сотрудник Госмузея ТАССР О. С. Хованская вела раскопки в северо-западной части линии обороны города и обнаружила остатки деревянной системы укреплений, относящейся к XIV в. Они состояли из дубовых столбов, стоявших в два ряда, между которыми, вероятно, располагались горизонтальные брусья, образовавшие две стены. Дно рва было заболочено и имело несколько рядов кольев, которые располагались также и на наполной стороне за рвом, образуя 3—5 рядов надолб.

В районе «малого городка» было установлено, что он был сначала отдельным укреплением, типа замка, и только позднее вошел в общую систему городских укреплений.

Вторая экспедиция, организованная ИЯЛИ совместно с Госмузеем ТАССР, под руководством Н. Ф. Калинина, работала в бассейнах рр. Ахтая и Бездны. Ее задачей было проведение углубленных разведок по долинам названных рек, открытие и научное определение памятников, проверка и уточнение ранее известных памятников для нанесения их на общую археологическую карту ТАССР. Экспедиция прошла около 300 км по долинам обеих рек, причем два отряда обследовали оба берега рек, а третий вел более детальное ознакомление с обнаруженными памятниками. В работе, кроме Н. Ф. Калинина, принимали участие сотрудник ИЯЛИ З. А. Акчурнина, сотрудник Госмузея О. С. Хованская и ряд студентов университета. В результате была тщательно обследована полоса шириной по 3—5 км по обоим берегам рек и открыто и обследовано 82 памятника. Из них городищ 13, селищ 50, древних кладбищ 3, первобытных могильников 5, первобытных стоянок 5, валов 3 и курганов 3. Все памятники тщательно занесены на одностороннюю карту, описаны, проведены их обмеры, составлены планы, сделаны фотографии и зарисовки. Где это было возможно и необходимо, проводилась шурфовка, выяснялась стратиграфия, описывались культурные слои. В могильниках вскрыты два полных погребения. Собрано более 2000 вещевых материалов.

В результате работы имеется возможность со значительной долей вероятности нарисовать историческую картину жизни на этой территории с первобытных времен (со II тысячелетия до н. э.) до XVII—XVIII вв. н. э.

Древнейшее население территории характеризуется стоянками на берегах рек, имевшими охотничье-рыболовное хозяйство. Эти стоянки по материалу можно отнести к хвалыно-срубной культуре. Многочисленные селища и могильники — Измерский и Куйбышевский — относятся к первой половине или к середине первого тысячелетия до н. э. — к ананьинской культуре.

Материалы экспедиции показывают, что никакого перерыва в смене культур доболгарских культурой болгарской не было. Всюду в городищах и селищах имеется непрерывный переход от более ранних слоев к более поздним. В XI—XII вв. население этих районов было очень густым. Например, на берегах р. Ахтая около сел Бойкина и Ямкина на протяжении 5 км было обнаружено два больших городища и 8 селищ.

Получен богатый материал о системе феодальных укреплений, остатком которых являются многие городища. Так, по нижнему течению р. Ахтая обнаружено 6 городищ, образующих как бы линию пограничных укреплений. Вероятно, это были границы отдельных мелких княжеств, входивших в Болгарское государство. Кроме укреплений на этих границах существовали длинные валы, стягивавшие крупные излучины рек. Укрепления городищ очень разнообразны и иногда весьма значительны. Все городища и селища датируются XI—XII вв. и самое позднее началом XIII. Не найдено ни одной вещи, которая могла бы быть отнесена к периоду монголо-татарского господства в крае, а также к XV—XVI вв. Это показывает, что богатый населенный край был разорен и в течение почти четырех веков оставался незаселенным. Только в более южных районах оставалось болгарское население — около г. Булгар и других.

На водоразделе верховьев рр. Ахтая и Бездны у сел Тяжбердино и Татшапкина обнаружены три мусульманских кладбища, на которых сохранилось 6 надгробных камней XIV в.

В общем раскопки на болгарском городище дали некоторые новые данные по изучению этого интереснейшего памятника, а обследование бассейнов рр. Ахтая и Бездны дополнило материалы по составлению археологической карты ТАССР, начало собирания которых было положено экспедицией 1945 г., когда был тщательно обследован бассейн р. Казанки.

Этнографическими исследованиями в 1946 г. были охвачены юго-восточные районы ТАССР, которые в советское время еще не обследовались. Был проделан мар-

шрут от Набережных Челнов через Сарманово, Азнакаево, Ютазу, Бавлы до Бугульмы. Экспедиция была организована ИЯЛИ совместно с Кафедрой археологии и этнографии Казанского государственного университета, под руководством автора настоящей заметки. В ней приняли участие: сотрудник ИЯЛИ Г. М. Хисамутдинов и сотрудники Кафедры Е. П. Бусыгин и Г. В. Юсупов. Экспедиция посетила 15 населенных пунктов: 10 поселков татар-мусульман, 4 — крещеных татар и 1 — удмуртов.

Часть территории ТАССР, расположенная между рр. Заем и Иком, по которой проходил маршрут экспедиции, находится за пределами района древнего расселения казанских татар, и поэтому, кроме изучения бытового уклада его населения, необходимо было выяснить вопросы истории заселения этой территории татарами. Этот лесостепной участок был издревле населен башкирами. Об этом говорят и исторические данные и народные предания. Население ряда деревень (Сарайли, Карамалы, Каракашлы и др.) и в настоящее время считает себя по происхождению башкирами, а во многих других отмечают, что часть населения имеет башкирских предков. Часто рассказывают об огромных земельных площадях, которыми прежде владели башкиры. Так, например, имеется предание, что предки жителей дер. Сарайли владели землями, простиравшимися до берегов Камы, т. е. на расстоянии около сотни километров.

После присоединения Казанского края к Московскому государству этот район являлся местом, куда уходило коренное население Приказанья и Прикамья (к северу от Камы), спасаясь от политики крещения и руссификации. Вначале это переселение носило чисто стихийный характер. Нерусское население бежало с северо-запада и поселялось здесь небольшими группами по несколько семей в лесах — или самовольно, или входя в договорные отношения с владельцами этих земель — башкирскими родами. О таком характере заселения говорят некоторые наименования. Так, например, имеется татарская деревня Биклян, что значит «укрывшиеся». Здесь имеется предание, что предки жителей этой деревни бежали из-за Камы и укрылись здесь в дремучих лесах от попытки крещения их. Сюда бежали не только татары, но и чувашы, мари и удмурты. Из этих насельников и сформировалась особая группа так называемых припущенников, или тептярей, как их называют татары.

В половине XVII в. царское правительство строит Закамскую укрепленную черту, которая в районе исследования проходила по линии — устье р. Белой — Мензелинск — Заинск. К северу от этой черты начали селиться, уже с разрешения правительства, преимущественно государственные (ясашные) крестьяне: русские, татары (чаще крещеные) и группы других народностей. К югу от Закамской черты продолжается стихийное заселение башкирских земель. Еще позднее, в половине XVIII в., когда правительство захватило и закрепило за собой значительную часть башкирских земель, начинается до некоторой степени плановое заселение этой территории. Здесь поселяются ясашные крестьяне из нерусских народностей, раздают земли русским помещикам, которые переводят сюда крепостных крестьян. Некоторые земли остались в руках нерусских помещиков, чаще всего отатарившихся башкир, вроде, например, известных Тевкелевых; но владели ли они крепостными крестьянами или только землей — неясно.

В это время и происходит окончательное заселение данной территории. Частично население прибавлялось в уже ранее существовавшие поселки, частично создавались новые. В преданиях населения, особенно татарского, а также в родословных, которые имеются у некоторых семей, в большинстве случаев фигурируют данные о 6—7—8 дедах, уже живших в крае. В переводе на хронологию это дает время появления этих предков в крае 150—200 лет тому назад, т. е. во второй половине XVIII или начале XIX в. Старинные камни на кладбищах также датированы чаще всего началом XIX в. и лишь изредка концом XVIII. При этом местом, откуда переселились эти предки, для северной части указывают преимущественно районы севернее Камы (с Елабужской стороны, из-под Кукмора, из-под Казани), а для южной (ближе к Бугульме) — так называемую самарскую сторону. Таким образом, заселение края нерусским и особенно татарским населением, с одной стороны, шло непосредственно из коренных мест обитания татар, удмуртов и мари, к северу от Камы, а с другой — с правобережья Волги, откуда татары и чувашы попали на самарскую сторону.

В результате в обследованном районе получился сложный конгломерат народностей, которые в течение времени сживались друг с другом. Наиболее сильной народностью и по численности и по уровню культуры здесь оказались татары, и к настоящему времени мы видим, что с ними не только слились башкиры, но оказалась татаризованной некоторая часть и других народностей. Так, в значительной части татарских поселков сохранились предания, что первыми засельниками их были маришцы, удмурты или чувашы, которые потом полностью отатарились. Население показывает места старых «черемских» или «вотяцких» кладбищ, к которым относятся с некоторым суеверным страхом. Некоторые семьи и даже концы в таких деревнях считают своими предками маришцев, чуваш, удмуртов. На юге

указывают в числе первых засельников еще калмыков и казахов, которые также отатарились. Отатаривание проходило первым долгом путем принятия татарского языка (в настоящее время все нерусские народы здесь владеют татарским языком, нередко лучше, чем родным), а затем закреплялось принятием ислама. Исламизация начала особенно усиленно проводиться здесь во второй половине XIX в., когда появилось много фанатиков мулл, воспитанников бухарских медресе. Население рассказывает, что такие муллы, поддерживаемые помещиками, выгоняли и даже убивали нежелающих принять ислам, а принявших запрещали называть их старым наименованием, называя их татарами. Параллельно некоторая часть населения, даже татарского, была христианизирована, но некоторые остались язычниками.

Однако подобный процесс отатаривания не мог не отразиться на бытовом укладе самого местного татарского населения и даже на его языке. Местный татарский язык отличается прежде всего башкирскими фонетическими особенностями, составляя так называемый дзокающий говор, а также лексическим составом и оборотами, пришедшими из других языков.

Подобная история формирования населения обследованной территории создала бытовую уклад татар, несколько отличный от типично татарского. Менее заметны эти особенности во внешнем оформлении быта. Татарские деревни имеют тот же типичный облик, как и в других местах поселения, но все же в планировке усадьбы здесь наблюдается большая разбросанность надворных построек, сближающая татарскую усадьбу с башкирской. Но больше всего эти особенности заметны в семейных обрядах, например в свадьбе, а также в древних верованиях и обрядах. Здесь на общетатарском фоне все время проглядывают черты, внесенные в быт из обрядов и верований других народностей. Так, например, отмечается наличие особого рыжеволосого духа «джир-анасы» — матери земли, которого нет у татар других районов, но который ярко выражен в мифологии удмуртов. Этому духу приносились жертвы. Кроме типичного для татар лесного духа «шюрале», здесь отмечается еще особый хозяин леса — «урман-иесе», напоминающий такого же у удмуртов и мари. Наличие ряда подобных фактов, выяснить происхождение которых сравнительно легко ввиду недавнего сближения разных народов в исследованном крае, дает немало ценных данных для выяснения истории формирования татарского народа, имеющего сложное происхождение.

Изучая и реставрируя по пережиткам старинный бытовой уклад татар данного района, экспедиция обращала самое серьезное внимание на то новое, что появилось в быту за советское время. Здесь прежде всего бросается в глаза изменение той межнациональной розни, которая тщательно культивировалась прежними господствующими классами, и в частности стремления со стороны определенных групп татар подчинить своему влиянию другие народы. Население все время рассказывает о прежних межнациональных неурядицах и столкновениях, подчеркивая, что в настоящее время этого нет и что различные народности живут дружно. И на самом деле можно было видеть многочисленные факты культурного сближения народов без попыток поглощения национальных особенностей одного другим.

Огромное значение имеет общее повышение культурного уровня населения, создание местной сельской интеллигенции — результат проведения советской национальной политики. Под влиянием этого культурного подъема идет пересмотр всех бытовых форм, всех культурных навыков. Изменяется устройство дома, одежда, питание. Уходит в прошлое влияние религии, изменяются отношения внутри семьи, отношения между молодежью обоего пола. Вместо прежних тайных встреч где-либо на задворках, молодежь проводит время на вечерах в колхозных клубах, под которые очень часто отводятся помещения бывших мечетей и церквей. В клубах многих поселков проводится большая политмассовая работа. Конечно, этот процесс идет не без борьбы с вредными пережитками прошлого, но новое побеждает.

Изучались также те изменения, которые внес в быт и сознание населения колхозный строй современной деревни. Новые экономические условия вызывают создание новых бытовых форм.

Таковы вкратце работы в области археологии и этнографии Института языка, литературы и истории КФАН СССР в 1946 г. В дальнейшем намечаются новые исследования преимущественно по собиранию материалов для составления археологической карты ТАССР и по изучению быта как татар, так и других народностей края.

Н. И. Воробьев